

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

**Александр
Галин**

Парад

Александр Галин

Парад

«ФТМ»

1984

Галин А. М.

Парад / А. М. Галин — «ФТМ», 1984 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Амстердам. Наши дни. Скворцов, бизнесмен, связанный с властью, приезжает провести свою жену Ларису и сына Виктора. Витя активно включился в студенческую акционную жизнь Европы и приехал на гей-парад в качестве борца за человеческие права. С ним приезжает и его хороший друг, недавно расставшийся со своим молодым человеком. Скворцов, человек казачьих кровей, гордящийся своими консервативными взглядами, приходит в ужас. Он решает, что его сын Витя не просто активист. Помимо прочего, это может сказаться и на положении Скворцова, ведь от него требуют, чтобы он привёз всю свою семью на день города... Пьеса полна замечательных коллизий, отсылок к самым актуальным российским и европейским реалиям. В ней поднимается важный вопрос: что важнее в человеке, его поступки или его образ?

© Галин А. М., 1984

© ФТМ, 1984

Содержание

От автора	5
Действующие лица	7
Действие первое	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Галин

Парад

Комедия в двух действиях

От автора

Я не нарушаю законы. Мне иногда даже нравится их исполнять. Как законопослушный пешеход, в очередной раз победив себя и дождавшись зелёного света светофора, я перехожу улицу и втайне люблю себя и своей гражданской зрелостью; в день заполнения налоговой декларации я стараюсь меньше смотреть в зеркало, зная, как опасен для пишущего человека нарциссизм, но когда приходит наконец счастливый для меня час отправляться в сберкассу и платить налоги, – тут я уже не могу справиться с собой: мне трудно сдержать радость и гордость, я стараюсь не спешить, я наслаждаюсь исполнением этого, одного из самых трудных для россиян (как, впрочем, и для остальных жителей планеты), гражданского долга... Поэтому, закончив свою новую пьесу «Парад» и желая строго следовать закону, я решил написать что-то вроде предуведомления о том, что пьеса эта – исключительно для зрителей, маркированных знаком «18+». Своим обращением я как бы наношу этот греховный знак на титульную страницу пьесы, хотя моя пьеса и не содержит того терпкого, двусмысленного и пряного обещания, на которое этот знак намекает. Пьеса целомудренна и чиста. В ней нет ни любимой мной с детства русской матерщины (моё курское вольное детство на улице Весёлой, приучившее меня к ней, из жизни не вычеркнуть), ни горячих и буйных страстей, ни тайных плотских утех. И хотя есть кому в этой пьесе и обронить крепкое словечко, и эксгибиционистски наглядно исполнить на сцене супружеский долг, но одними героями движет пресноватый и безобидный долг родительский, другими – дружба и благородство, ну и так далее. Правда, имеются некоторые комические обстоятельства и вытекающие из них неожиданные, абсурдные перипетии, связанные с карнавальной атмосферой гей-парада в Амстердаме, куда попадают мои герои, а это, по совокупности, конечно, «тянет» на «18+». Поэтому я хочу попросить директоров театров, администраторов, капельдинеров, охрану, пожарных последовать моему примеру и подробно ознакомиться с Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также Федеральным законом Российской Федерации от 29 июня 2013 года № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей», – и, ознакомившись с данными законами, строго руководствоваться их духом и буквой и не пропускать на спектакли по этой моей пьесе российских граждан, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Должен обратиться и к будущим режиссёрам. Если вы решите дать моей пьесе сценическую жизнь, прежде чем репетировать, найдите тексты этих законов, не поленитесь и внимательно вчитайтесь в них. Но я умоляю вас, не инсценируйте эти законы, не вводите их прямо или опосредованно в действие, не придумывайте для них «параллельную жизнь», или что-то в этом роде. Не надо беспокоить их тихое кладбищенское существование. Наши законы не живут долго, а некоторые умирают сразу же после рождения. Да что говорить! На моём веку менялись и умирали не только законы – поменялся сам общественный строй, который они призваны были сторожить; и, похоже, я опять становлюсь свидетелем таких перемен. Глядишь, и через пару лет возраст гарантированного целомудрия поднимут до два-

дцати одного года или выше, а то возьмут и от греха подальше объявят таковым всю человеческую жизнь...

И всё же главная наша с вами ответственность заключается в соблюдении не только подобных законов. И пьеса, и спектакль имеют свод законов собственных, и я знаю – конечно, именно они, дорогие мои режиссёры, будут вас интересовать в первую очередь. Скажу по секрету: меня они интересовали всегда, беспокоят и постоянно преследуют и сейчас. Я долго искал этот сюжет, придумывал и додумывал его, потому что в нём, как мне кажется, угадывается, неподвластное нам, скрытое от глаз, всегда фрагментарное, лишённое окончательной формы и формулировок, тайное движение жизни. О нём в нашей советской и постсоветской цивилизации лучше других сказал Сергей Есенин, словами, и по сей день отдающими грохотом артиллерийской канонады: «С того и мучаюсь, что не пойму – Куда несёт нас рок событий». Этот неведомый и безжалостный «рок», к которому тянутся в пьесе мои слепые предчувствия и предвидения, не обращает внимания на возрастные категории граждан. Он и был моей скрытой целью и моим основным законом. Вы спросите: а почему «скрытой»? А потому, что я не хочу показаться слишком «серьёзным» автором: ведь я писал «человеческую» комедию, которой чужды надутая многозначительность, пафос, авторитеты, репутации и так далее.

Действующие лица

Скворцов

Лариса — его жена

Виктор — их сын

Долорес

Карина

Марина

Действие первое

Балкон номера гостиницы в Амстердаме. В больших окнах отражаются небо, крыши и верхние этажи зданий на другой стороне канала. С набережной поднимается праздничный гул толпы, музыка оркестров.

*Только что проснувшийся **Скворцов**, в трусах и босой, выходит на балкон. Ему за сорок, красивый, сильный, с рельефным атлетическим телом. В ослабевшей руке звонящий, видимо, разбудивший его телефон. Сквозь пьяную дрёму, прищурясь, смотрит на экран, с трудом пытаясь понять, кто звонит.*

Скворцов (по телефону). Да, Лид... Ну да, я уже в Амстердаме... Лидок, а зачем кому-то говорить, где я?... Рустама Ильдаровича я наберу. Всё, привет... Всё, всё, никаких дел. Ты услышала? Меня ни с кем не соединять. Я в понедельник буду на месте, вот и соединишь. Давай-давай, не скучай. Всё! Я на выходные пропал с радара.

Выключает телефон, оставляет его на небольшом столике, возле которого стоят два кресла. Идёт к балконным перилам, какое-то время наблюдает за происходящим внизу.

Чему вы так радуетесь, болезные! (Кричит.) Аллё! Мужики! С какого хрена вы там беснуетесь?

*В распахнутую балконную дверь выглянула **Лариса**, в наскоро накинутом на мокрое тело гостиничном халате. Под стать мужу, красивая, статная. Торопливо вытирает полотенцем волосы.*

Лариса. Господи, это ты орёшь? Я в ванной услышала...

Скворцов. Ларис, ты глянь на них!

Лариса. Проснулся наконец?

Скворцов (смеётся). Лариска, туда посмотри. Вон на мосту два мужика мне руками машут – к себе зовут. Слушай, они меня за своего приняли, что ли? (Кричит вниз.) Ребята, я не по этой части.

Лариса. Не трогай их.

Скворцов (кричит). Ребята! Как у вас праздник называется? День гомосека?

Лариса (выходит на балкон). Ты что! Прекрати! Это тебе не Россия! Если там кто-то русский понимает – позвонят в полицию. Тебе это нужно?

Скворцов. Пацаны, у вас День дровосека сегодня?

Лариса. Ну пожалуйста, успокойся уже. Идём в номер.

Скворцов (жене). Лариска, нет, ты посмотри...

Лариса. Что я буду смотреть, мне надо ещё собраться. Пойдём, Коленька, у меня к тебе разговор есть.

Скворцов. Ларис, ну хоть поцелуй мужа... (Целует её, потом отстраняется.) Чего ты, как не родная?

Лариса. Родная, родная.

Скворцов. Я скучал...

Лариса. И я скучала.

Скворцов. Принеси, что там есть в минибаре.

Лариса. Колька, я серьёзно, нам надо поговорить, пока Вити нет. Я ждала, когда ты в себя придёшь. Оденься.

Скворцов. Там мужики по улице в трусах ходят – и ничего, а я на своём балконе. (Смеётся.) А на баб посмотри!.. Или это мужики плывут? Глянь!

Лариса. Господи! Ты оставишь их в покое или нет?!

Скворцов. Слушай, а вообще это у них государственный праздник, что ли? Типа как у нас красный день календаря?

Лариса. Откуда я знаю! Прошу тебя, пойдём!

Скворцов (*остаётся у перил*). А чего праздновать! Делов-то! Ну кинул палку товарищу, и что, по этому поводу хороводы водить? (*Кричит вниз.*) Ну чего вы машете мне? Чего вы машете? Лариска, ты глянь, какие они упорные! Сюда смотрите, дровосеки!

Неожиданно поднимает жену на руки.

Лариса. Что ты делаешь, прекрати!.. Колька! Ну прекрати!..

Скворцов, с женой на руках, ходит вдоль перил.

Скворцов (*кричит*). Ребята, сюда смотрите! Смотрите, какая у меня баба!

Лариса (*наконец освободилась*). Ты доиграешься!

Скворцов. Чего ты! Боишься, что ли? (*Обнимает её.*) Давай покажем болезным, как это делается. (*Кричит.*) Дровосеки, сюда смотрите!

Демонстративно целует жену.

Лариса (*сопротивляется*). Ты что!

Скворцов. Я что, не имею права? Я собственную жену три месяца не видел.

Лариса. Совсем с ума сошёл? Пусти!.. Что ты делаешь?!

Скворцов. Тихо... Ларис...

Лариса. Больной, что ли?!

Скворцов. Ларисочка, ну расслабься...

Лариса. Ты дождёшься, нас арестуют!

Скворцов. За что арестуют? За то, что мы с тобой нормальные?

Лариса. Всё, пусти!

Скворцов. Ну, Ларис!.. Это же круто! Пусть наша нота протеста прозвучит.

Лариса вырвалась, оттолкнула его.

Лариса. Ты меня ни с кем не спутал?! Думаешь, я могу на глазах у всех?!

Скворцов. Ты же артистка, вы на глазах у всех целуетесь.

Лариса. Я была артисткой, а не шлюхой! Одичал там совсем!..

Скворцов (*смеётся*). Ух ты, ух ты, «та-а-ам»! Звонила мне, звонила... «приезжай в Амстердам» – и динамишь! Я думал: «Ей там без мужа невтерпёж»... Или я чего-то не так понял?

Лариса. Так, так.

Скворцов. Я думал – прилечу, она мне песню споет. Ларка! (*Поёт.*) «Казаки, казаки... Едут, едут...»

Лариса (*оборвала*). Я не пойму, ты не протрезвел ещё, что ли, казак?

Скворцов. Лариска, ну пойдём в номер... (*обнимает её*) нам надо как-то завершить...

Лариса. Ты услышишь меня наконец? Пока Витьки нет, давай поговорим.

Скворцов. Поговорим, дай в себя сначала прийти... Мне бы выпить чего-нибудь, голова гудит... В минибаре... чего там есть, принеси.

Лариса достаёт из кармана халата телефон.

Лариса. Сам иди и возьми. И оденься наконец!

Скворцов. Ни о чём тебя нельзя попросить... Вы, бабы, тут на Западе совсем расковались, все из себя раскованные такие, – местных ребят можно понять.

Скворцов *выходит.*

Лариса (*по телефону*). Витя! Ну вот отец проснулся... А чего ты иронизируешь? Он ночь не спал: сначала в Москву летел, потом сюда... Плохо тебя слышу... У нас тоже тут какофония. Ну всё, мы тебя ждём и пойдём обедать. Ты с кем?.. Ну конечно, вместе с ним заходи. А девочки с вами?.. Пригласи их всех с нами обедать. Ну пока. (*Выключила телефон, вошедшему Скворцову.*) Колька, ну прошу, оденься: Витя придёт не один.

Скворцов. Сейчас... Слушай, для кого они ставят этот минибар? (*Показывает бутылочки.*) Ну что это такое?! Какие-то мензурки для лилипутов!

Выливает одну за другой бутылочки в стакан.

Лариса. Ну зачем столько? Можно с тобой поговорить наконец?!

Скворцов. Мне надо как-то мозги пробить, я чуть-чуть.

Лариса. Поставь, я прошу.

Скворцов отпил, поставил стакан на столик.

Скворцов. Ну что тут у вас? Давай.

Лариса. Всё у нас на бегу. Не мог прилететь хотя бы на несколько дней?

Скворцов. Лариска, да я еле вырвался! Вообще я не пойму, зачем вам надо было в этот хренов Амстердам? И мне зачем?

Лариса. Ты прилетел к семье и спрашиваешь зачем?

Скворцов. А что, нам нельзя было в Лондоне встретиться?

Лариса. Вите нужно было в Амстердам... Его друзья сюда поехали.

Скворцов. И что?

Лариса. Ну... это выглядело бы нехорошо: друзья едут на этот парад, а он демонстративно остался на кампусе, потому что он из России. Получается, что он как бы против этого всего...

Скворцов. Давай со мной по-русски. Кампус!.. Как этот кампус по-нашему?

Лариса. По-нашему тоже кампус.

Скворцов. Нет у нас такого слова.

Лариса. Все слово «кампус» понимают.

Скворцов. Кто «все»? *(Берёт со стола телефон.)* Подожди. Я сейчас батю позвоню, спрошу про кампус.

Лариса. Да чёрт с ним, с кампусом!

Скворцов. Сейчас... У него позавчера сердце хватануло, я его в больницу отвёз, так он оттуда сразу дёру дал... Сейчас... *(В телефон, изменив голос.)* Товарищ Скворцов? Это вам из приёмной английского премьер-министра звонят. *(Хохочет.)* Чего «слушаю»? Это я, батя... Да, Колька. Виктор Викторович, как сердчишко?.. Ну молодец. Я чего ещё звоню, вопрос к тебе: ты слышал такое слово – «кампус»?.. Нет, не камбуз. Я знаю, что есть камбуз... Ну да, да, типа кухни на корабле... Кампус, буква «сэ» на конце... Да не камбуз! Услышь: кампус! «Скотина», «сволочь» с какой буквы начинаются?

Лариса. Других слов нет, что ли?

Скворцов *(Ларисе).* «Снегурочка» тебе подойдёт? *(В телефон.)* Да, кампус. Ты такое слово знаешь?.. Правильно, нет у нас такого слова. Спасибо, батя... Как там мать?.. Ну дай ей трубку... Да, мамуля, я в Европе... Я только на выходные... Да, Лариса рядом... Тебе тоже привет передаёт...

Лариса. Да, и ей привет, и отцу.

Скворцов. Заеду к вам во вторник. Давайте. *(Выключил телефон.)* Кампусов у нас нет.

Лариса. Ну хорошо, нет кампусов.

Скворцов. Кстати, чтоб ты знала: меня просто наждаком по ране дерут за этот ваш кампус. Всё напряглось, ребята в Москве борзеют не по дням, а по часам.

Лариса. Я смотрю телевизор, читаю. Я в курсе, не надо меня пугать.

Скворцов. Я не пугаю. На мне теперь ваш Лондон, как пятно: семью спрятал в тылу врага... Надо вам дома показаться...

Лариса. А теперь послушай меня...

Скворцов. Скоро День города, губернатор нас собрал, просил на мероприятие прийти с женами и детьми. Когда мы потом остались вдвоём, спросил: «Твоя всё по заграницам?» Я мямлю: «Сын учится, поехала к сыну...» И он, знаешь, так кисло поморщился... Надо, говорит, показать жену и сына на Дне города. И тихо так, не под запись: «На тебя уже доброты телеги пишут – и мне, и в «контору»... Так что Витьку обязательно надо привезти.

Лариса. Коля, послушай, не надо Витю туда везти.

Скворцов. Почему? Я ему из Москвы позвонил – он обрадовался, сказал, в любой момент прилетит, сказал, хочет товарища взять с собой. Я сказал – нет проблем! Милости просим.

Лариса. Ну вот ты, прежде чем ему звонить, со мной бы посоветовался. Выслушай меня наконец.

Скворцов. А чего это ты так говоришь: туда! Не «туда», а «домой»... Сейчас установка: бизнесу пора определиться, с кем он. Наглядно. Понимаешь? Отец у меня теперь почётный казачий атаман.

Лариса. Я смотрю, ты уже совсем двинулся на этих казаках. Ты на них, извини, денег тратишь больше, чем на собственного сына.

Скворцов. Говорю тебе: времена другие.

Лариса. Хорошо, об этом потом. Я против, чтобы Витя туда летел.

Скворцов. Почему?

Лариса. Витя сильно изменился... Я не знаю даже, как с тобой на все эти темы говорить...

Скворцов. Какие темы?

Лариса. Это... Ты должен сам всё увидеть, я уже голову сломала...

Скворцов. Про что ты?

Лариса. Господи, уже и времени-то на разговор нет. Понимаешь, я тут узнала, что у него появился новый друг на кампусе... Витя хочет, чтобы он к нему переехал... Я с ним познакомилась... Очень странный. Очень... Я тебя только прошу, ты не лезь сразу к Вите с вопросами по этому поводу... присмотришься сначала...

Скворцов. С какими вопросами?

Лариса. Хотя, может, и надо тебе прямо его спросить, по-мужски... Не знаю.

Скворцов. Да про что ты, я нить потерял! Случилось с Витькой что?

Лариса. Понимаешь, этот его друг, будущий сосед, он... вызвал у меня опасение... Он наполовину мексиканец. Мать у него русская, уехала, нашла себе здесь мексиканца. Красивая... Этот друг мне показывал её фотографию... Отец у него знаменитый музыкант. Сейчас живёт здесь, в Амстердаме. Он дирижёр с мировым именем... Уже давно с ней разошёлся. Она нашла себе какого-то богатого египтянина, уехала к нему с сыном в Лондон...

Скворцов. К чему ты мне всё это рассказываешь?

Лариса. Сейчас поймёшь. Почему Витя так подружился с ним – я не знаю... Может быть, на почве того, что оба по-русски говорят... Очень странный молодой человек... очень... Мне показалось, что он не в ту сторону смотрит...

Скворцов. В смысле?

Лариса. В смысле девочек... Вернее, он совсем на них не смотрит. Так мне показалось... Я не знаю...

Скворцов. Та-а-ак...

Лариса. Наверняка я не могу этого утверждать, но я подумала, зачем моему сыну такой сосед... Он и старше его.

Скворцов. Так. И что дальше?

Лариса. Я, конечно, хотела с Витькой поговорить, но у меня язык не поворачивается. Тем более я ни в чём не уверена... Понимаешь, во всём остальном этот его друг, он очень хороший, очень воспитанный, слава богу, не наркоман, начитанный... вежливый... Прекрасный парень... Но ужасно странный...

Скворцов. Витька с ним прилетел сюда?

Лариса. С ним... Когда Витя мне сказал, что хочет в Амстердам на этот парад, – тут я в первый раз испугалась. Я испугалась по-настоящему, я знаю, чем этот Амстердам славится!

Я спросила: «Сынок, почему Амстердам?» – «Я должен!» Но с таким выражением сказал... очень враждебно. И взглянул исподлобья.

Скворцов. Подожди, а что ты мне раньше не сообщила? Ты слова мне не говорила про это.

Лариса. Про это?! По телефону говорить такие вещи про сына?! То ты мне твердишь: будь осторожна, эфэсбэшники всех прослушивают... – теперь: почему не сообщила!

Скворцов. Дальше.

Лариса. Больше мы с ним про это не разговаривали, а позавчера, накануне вылета сюда, встретились в городе. Он пришёл вот с этим своим другом, и с ними были две девушки. Наши, русские. Одна, по-моему, по уши в Витьку влюблена. Но не могла же я её спросить, спят они или нет... Ну вот... так что, может быть, я всё это себе напридумывала, а на самом деле всё у Витьки нормально. Понимаешь?... Я присмотрелась – и тот мне показался вроде ничего, нормальным... Может, потому что они с девушками приехали...

Скворцов. Ё-моё, так пугать человека! Я аж протрезвел. У деда атамана – внук дровосек!

Лариса. Я не про Витю говорю, а про его соседа. Сплюнь!..

Скворцов. Тьфу, тьфу, тьфу!

Лариса. Я их по театру знаю, они знаешь какие! Положит глаз – и всё!

Скворцов. Ты что хочешь сказать: если он на меня глаз положит, то что? Да ты, мать, рехнулась, Витька – нормальный мужик. Ты вспомни, каких он девок домой таскал!

Лариса. Ты только Вите не сболтни лишнего. Ты присмотришься к его другу... Осторожно только. Я уже ничего не понимаю: они и сюда с этими девушками прилетели. Гостиница у них, оказывается, давно была заказана, какой-то студенческий приют, что ли...

Скворцов (*берёт стакан*). Ну ты меня развеселила!..

Лариса. Поставь стакан!

Скворцов. Успокойся, я глоток только.

Лариса. Всё! Хватит! Пойдём, надень брюки хотя бы.

Скворцов (*поставив стакан*). Лариска, брюки я облажал в самолёте, их надо выбросить. На меня цыплёнок упал, весь в масле, прям туда, куда не надо. У меня в сумке шорты.

Лариса. Ты что, только шорты взял с собой?

Скворцов. Жара же.

Лариса. А в чём ты в ресторан пойдёшь?

Скворцов. В шортах. Сядем где-нибудь на канале. Посмотри, там все в шортах.

Лариса. А назад ты в чём полетишь?

Скворцов. Ну куплю здесь какие-нибудь джинсы себе.

Лариса. Подожди, о какой ты сумке говоришь? Ты с одним портфелем прилетел.

Скворцов. Как с портфелем? Я с сумкой улетаю. Ты её куда не сунула?

Лариса. Я никакой сумки не видела.

Скворцов. Стоп! Я что, её из багажа не забрал?

Лариса. Как не забрал?

Скворцов. Кретин! На бухареze попёр сразу к такси: привык, что по России со мной помощник летает... Ёлы-палы! Сел в машину, поехал в отель... Кретин!..

Лариса. Там что-то важное?

Скворцов. Да нет, всё важное в портфеле. Портфель здесь?

Лариса. Здесь. А что в сумке?

Скворцов. Ну там бельё, пара рубашек, шорты... вам с Витькой подарки... Надо позвонить в аэропорт.

Лариса. Витя сейчас придёт позвонит. Надень брюки.

Скворцов. Да не надену я их! Ну чего, я обоссанный, что ли?

Лариса. В трусах, ты считаешь, лучше? Девушки придут.
Отдалённо слышен дверной звонок.

Там в дверь позвонили, или мне показалось? (*Прислушалась.*) Да, звонят! Это они. Господи... Родители!.. Мама в халате, папа пьяный, в трусах – День города просто!.. Я побежала в ванную. Иди в спальне надень второй халат, открой им. Пусть они пока побудут здесь, на балконе: я себя в порядок привести должна. Пойдём.

Идёт в номер, Скворцов следует за ней. Через короткое время на балконе появляется Долорес. Он в сверкающем платье и с такой же сверкающей сумкой через плечо, на высоких каблуках, в женском парике. В руках подарочный пакет и букет цветов. Звучит увертюра к «Травиате»: это рингтон его телефона. Долорес достаёт телефон, смотрит на дисплей, бросает телефон назад в сумку. Телефон не умолкает, Долорес упорно не отвечает. В дверях балкона появляется Виктор. На нём только обтягивающие шорты; лицо и тело в ярких радужных полосах.

Виктор (*задержался в дверях балкона, громко, в номер*). Папа, да не волнуйся, никто на тебя не смотрит, мы уже на балконе. (*Выходит на балкон, Долорес.*) У тебя телефон надывается.

Долорес (*измученно*). Он же понимает, что я не хочу с ним разговаривать, – и продолжает звонить! Я ему сказал: уйди из моей жизни. Исчезни! Он – звонит! (*Не выдержал, достал телефон, выключил. Взял паузу, справился с собой.*) Виктор, у тебя такой молодой отец!

Виктор. Не старый.

Долорес. Мой тоже не старый, но, по сравнению с твоим, он дедушка. Ты знаешь, что у тебя отец вылитый Марлон Брандо?

Виктор. Не знаю.

Долорес. Можешь мне поверить. (*Подходит к перилам.*) Смотри, как отсюда всё видно, внизу такого впечатления не было. Кажется – просто весь мир там!..

Виктор (*громко*). Пап, ты скоро?

Скворцов (*в балконных дверях, прикрывается шторой*). Ну подожди... Мать сказала, чтобы я этот чёртов халат надел, я его найти не могу. (*Прищурясь, смотрит на сына.*) Витька, тебя прям не узнать, ты чего это так раскрасился?

Виктор. Пап, здесь... карнавал. Познакомься, это Долорес. (*Долорес.*) Подойди, не бойся.

Скворцов. Девушка, девушка, подождите. Витька, ну я же без штанов!

Виктор (*смеётся*). Папа, сегодня весь Амстердам без штанов.

Скворцов. Девушка, вы меня извините... Я тут загорал на балконе...

Долорес. Спасибо, конечно, за комплимент, но я не девушка.

Скворцов. В номере темновато было, я подумал – Витина подруга...

Долорес. Я друг. (*Смеётся.*) Платье – это карнавальный костюм. И это – парик.

Скворцов *выходит на балкон, смотрит на Долорес.*

Скворцов. Все свои, что ли? Ты мужик?

Долорес. Вы так сразу о главном. Не знаю, заслужил ли я титул мужика?.. Я парень, парнишка. Зовут меня Долорес.

Опять возникает Верди. Долорес с измученным видом достаёт телефон, выключает его.

Извините.

Скворцов. Долорес? Имя вроде женское...

Долорес. В Испании Долорес женское имя, а в Мексике – и женское, и мужское. А, например, в Парагвае, там все мужчины – сплошные Долорес.

Скворцов. Понятно. Ну, Долорес так Долорес. А я Николай.

Долорес смутился под прямым взглядом Скворцова. Напряжённое молчание.

Скворцов. Для русского уха, конечно, необычное имя для мужчины. У нас в городе есть улица Долорес Ибаррури. Была такая коммунистка, пламенная пассионария... Не слышал?

Долорес. Да! Конечно! Она великая женщина! Я её очень почитаю. У нас в семье все левые. Отец левый, но у него кумир Троцкий. Я тоже левый, даже, можно сказать, в душе я коммунист. Свобода, равенство и братство!.. Что может быть прекраснее этого, правда?

Скворцов (*напряжён*). Да-да... У нас народ, конечно, улицу переименовал... Имя оставили, а фамилию видоизменили. В такси, например, сядешь: «Мне на улицу Долорес...» (*Запнулся.*) Ну, дальше я не буду никого обижать...

Виктор (*смеётся*). Да, папа, лучше не надо.

Долорес. Кличка? Какая? Виктор, ну мне тоже хочется посмеяться. Какая?

Виктор. Похабщина.

Долорес (*подумав*). Ой! Я понял! И что? Ничего обидного я тут не вижу. У неё этого вдоволь было в жизни. (*Скворцову.*) Знаете её историю с молоденьким французским антифашистом? Ну это такое голливудское кино!.. Французика немцы посадили, так Долорес до Сталина дошла. Так его достала, что тот Гитлеру звонил по её просьбе. Представляете? Она его из тюрьмы вытащила, а он...

Скворцов (*не слушая Долорес, смотрит на сына*). Витька, а ты под кого так намазался?

Долорес. Это я его раскрасил. (*Смеётся.*) Виктор – наш флаг.

Скворцов (*мрачно*). Понятно. Ну что же, весело... Мать говорила, с вами девушки собирались прийти.

Виктор. Придут. Там у нас тусовка небольшая в кафе. Мы, пап, туда слетаем ненадолго, потом вернёмся. Тут недалеко, на набережной. Просто Долорес уже изнемог от благодарных чувств, с утра рвётся быстрее тебя увидеть тебя. (*Подражая Долорес.*) «Я должен поблагодарить твоего падре за приглашение...» (*Смеётся.*) Достал всех.

Долорес. Николай Викторович, это такой подарок для меня! Вот... цветы Ларисе, а вам я хочу подарить... Сейчас...

Копается в пакете.

Я это получил скорой почтой из Мексики, потом в Хитроу пришлось сдать в багаж, поэтому столько упаковки...

Скворцов. Долорес, ты не обижаешься, что я так на имя среагировал?

Долорес. Ой, вы не первый и не последний.

Скворцов. Тогда – с именем разобрались. А вот твой внешний вид? Это ты всегда так ходишь?

Долорес (*замер с пакетом*). Вас что-то смущает?

Скворцов. Платье это... что означает? Брюки на мужике как-то привычнее.

Долорес. Обычно я хожу в брюках, но сегодня здесь прайд.

Скворцов. Это что?

Виктор. Парад.

Скворцов. Народное гуляние по-нашему. Долорес, как брюки по-испански?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.